U 426/40

Кн 5716
И 426/40
Госуд. ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
68755-46

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Сказываются крестьяне западной Россіи! Депеша изъ Динабурга извѣстила, какъ убѣдительно отнеслись они близъ Креславки къ той части своего населенія, которая сочла себя въ правѣ поднять у нихъ оружіе противъ Россіи и готовить ихъ странѣ польскую государственную власть.

Извѣстіе это касается одной мѣстности, около Динабурга, и частнаго случая, вызваннаго разграбленіемъ отъ поляковъ транспорта русскаго оружія. Но странно было бы придавать этому событію частное значеніе. Многочисленныя военныя донесенія и частныя извѣстія, полученныя гораздо раньше динабургской депеши, давно давали возможность ясно предвидѣть, что народное негодованіе въ западной Россіи противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ поляковъ можетъ обнаружиться въ крупныхъ размѣрахъ и яркихъ чертахъ, какъ дѣйствительно и обнаруживается не только около Динабурга, но и въ другихъ мѣстахъ. Креславское событіе есть только прологъ великой народной драмы, въ которой не могутъ не участвовать и русскіе и поляки, и въ которой они приготовятъ себѣ въ будущемъ неминуемый приговоръ чести или безчестія, а можетъ быть даже жизни или смерти.

Трудно прослѣдить, какъ подготовилась эта драма. Народъ западной Россіи не имѣетъ своихъ вѣрныхъ органовъ ни въ печати, ни въ обществѣ, ни въ оффиціальной сферѣ, для которой это невозможно. Не гласитъ объ немъ даже

[Спб.]

тихо родное, теплое слово, не имѣетъ онъ сильныхъ, всецѣло ему отданныхъ ходатаевъ, видныхъ, неодолимыхъ преградами руководителей. Надъ нимъ стоитъ сфера оффиціальная, которая, при всемъ добромъ желаніи, не можетъ взять на себя и выдвигать все народное дѣло, потому что назначеніе ея быть безпристрастной даже къ народности и вѣрѣ. Надъ нимъ стоитъ сфера общественная польская, которая исторически призвана, т. е. сама призвала себя, давить и заслонять его. Надъ нимъ лежитъ еще одинъ покровъ—дираваый, но едва открывающій доступъ свѣту Божію, покровъ жидовства—этого невольнаго виновника и спутника историческихъ мукъ западно-русскаго народнаго духа. Этотъ духъ, разобщенный съ общественною средой—весь въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ неизмѣримыхъ болотахъ, въ необозримыхъ степяхъ, въ сообществѣ неисчислимыхъ духовъ міра религіозной народной области и потому еще менѣе доступный нашему фактическому, матеріальному, холодному воззрѣнію.

Но неужели такъ безсильны—нашъ ученый умъ и наше цивилизованное чувство, что мы не можемъ проникнуть хоть немного въ эту недовѣдомую область и подглядѣть таинственную поступь и таинственныя рѣчи этого народнаго духа? Теперь единственное, можетъ быть, для этого время. Онъ самъ выходитъ изъ лѣсовъ, болотъ и степей и воплощается въ дѣлѣ живомъ, наглядномъ,—въ явномъ, рѣшительномъ протестѣ противъ Польши. Пройдетъ нѣкоторое время, смутитъ его какая нибудь сила и онъ опять уйдетъ въ лѣса, скроется въ болота, залетитъ въ глухія степи и накажетъ насъ... чѣмъ? *Нашимъ* невѣдѣніемъ, *нашими* неудачами и—*своей* ироніей, *своей* апатіей, *своимъ* безмолвнымъ противодѣйствіемъ и, хуже всего, *своими* муками, *своими* страданіями!

Пусть у насъ будутъ по крайней мѣрѣ усилія разгадать эту великую тайну западно-русской народной жизни.

Обнаруживающееся теперь сильное движеніе народа внутри Бѣлоруссіи и Малороссіи — въ этихъ средоточіяхъ западно-русской жизни, не можетъ быть понятно, если на него смотрѣть отдѣльно, безъ связи съ тѣми безсильными мѣстностями, въ которыхъ прежде всего отразилось польское волненіе и отъ которыхъ оно двигалось внутрь западной Россіи къ востоку, не вызывая, повидимому, никакого противодѣйствія въ народѣ, тогда какъ на дѣлѣ этимъ-то путемъ оно и подготовляло себѣ неминуемое, неотразимое возмездіе въ динабургскомъ движеніи и ему подобныхъ.

На всей западной окраинѣ такъ называемыхъ Литовскихъ губерній—въ западной части Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, происходила и происходитъ съ незапамятныхъ временъ неутомимая народная борьба, на которую, можно сказать, не могли и не могутъ уже имѣть исключительнаго вліянія никакія *внѣшнія* событія,—ни оффиціальное благочиніе прежняго времени, ни польское возстаніе настоящаго. Тамъ происходила и происходитъ самородная, неизбѣжная во всякое время народная борьба туземнаго литовскаго, бѣлорусскаго и малороссійскаго элементовъ съ пришлымъ элементомъ польскимъ. Каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства, эти элементы всегда тамъ борются и рѣшаютъ историческія свои права, — борются и рѣшаютъ борьбу чаще всего совершенно глухо, но во всѣхъ сферахъ жизни и на всемъ пространствѣ этой полосы, — въ домахъ, на каменистыхъ поляхъ, въ трущобахъ лѣсовъ, на кочкахъ болотъ. — Я родился въ одной изъ такихъ мѣстностей, мнѣ знакома нѣсколько эта борьба. Тамъ выходцы изъ дѣйствительной Польши всѣхъ ея областей, тамъ мазовецкое племя, частію дѣйствительно польское, частію омазурившееся изъ литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, тамъ, наконецъ, неисчислимое жидов-

ство (*) опоясали и разбили на клочки нѣкогда плотныя массы литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ. Всѣ эти разъединенныя чуждыми элементами группы литвиновъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, разобщенныя между собою, кромѣ того, еще пространствомъ песковъ, лѣсовъ и болотъ, должны первые выносить на своихъ плечахъ весь гнетъ того, что приготовила Польша, вмѣстѣ съ жидовствомъ, для всей западной Россіи. Эти слабыя группы туземныхъ, родныхъ западно-русскихъ элементовъ борются послѣдними силами за свое историческое право. Оно ими глубоко чувствуется, они ревнивы къ нему; но ихъ усилія не видны, неизвѣстны и чаще всего безплодны. Тамъ сотни народныхъ мучениковъ, никому неизвѣстныхъ, никѣмъ не чтимыхъ, какъ тѣ западно-русскіе мученики прежнихъ временъ, которыхъ съ изумленіемъ приходится открывать все большее и большее число въ неизвѣстныхъ доселѣ памятникахъ, которые въ свое время оросили своею кровію и страданіями все пространство западной Россіи, но большею частію забыты, неизвѣстны и ждутъ, когда, наконецъ, настанетъ истина, правда и сознательное родное чувство въ ихъ странѣ, которой они отдали себя всецѣло?!

Эти безсильныя, безнадежныя отдѣльныя группы западной части Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, безсильныя и безнадежныя, но никогда не перестающія бороться съ Польшей и жидовствомъ, произвели въ настоящее время своею борьбою даже зло въ великой Россіи и за границей. Не понимая ихъ, отъ нихъ ждали перваго рѣшительнаго слова и дѣла въ польскомъ вопросѣ, коснув-

(*) Неисчислимое не только въ томъ смыслѣ, что ихъ тамъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ западной Россіи, но и въ томъ смыслѣ, что никакой переписи еще не удавалось сосчитать всѣхъ ихъ. Статистика Гродненской губерніи г. Бобровскаго убѣждаетъ въ этомъ наглядно.

шемся ихъ прежде всего, а они не говорили почти ничего и даже попадались нерѣдко въ рядахъ мятежниковъ; почему не говорили и какъ попадались — это глухо, намъ мало до этого, да и время ли заниматься такими крошечными дѣлами, хотя на этомъ основаніи составлялись часто сужденія и соображенія касательно всей западной Россіи.

Но помимо западной Европы и даже помимо Великой Россіи, правда вырабатывалась изъ этой безсильной и безнадежной борьбы на всемъ пространствѣ западныхъ губерній. Никто не зналъ изъ насъ, людей просвѣщенныхъ, глашатаевъ великихъ началъ жизни, прорицателей тайнъ будущаго благоденствія народа, никто не зналъ, что думаетъ, чувствуетъ тамошній крестьянинъ, разоренный экономическимъ упадкомъ страны, ограбленный шайками, обманутый польскими агитаторами, а тѣмъ менѣе мы знаемъ, что онъ думалъ и чувствовалъ, готовясь принять смерть отъ мятежниковъ за исполненіе своего долга и за любовь къ родному, что думали и чувствовали его родные, друзья, сосѣди. Мы развѣ случайно узнаемъ, да и то безплодно, такое напримѣръ соображеніе тамошнихъ крестьянъ: «мы вѣрны Россіи, мятежниковъ ненавидимъ, открываемъ ихъ войскамъ, но войска, разбивъ ихъ, должны уйти, а остатки шаекъ жгутъ и бьютъ насъ. Что будетъ съ нами?»

Всего этого мы не знаемъ или знаемъ безплодно; но хорошо извѣстно это и не безплодно народу всей западной Россіи, народу тѣхъ особенно мѣстъ, гдѣ онъ составляетъ сплошную, туземную массу, собранъ въ большія, частыя группы, *гдѣ крѣпка, неодолима народная западно-русская сила.*

Къ народу этихъ послѣднихъ мѣстъ, къ народу центровъ историческихъ жизненныхъ силъ западной Россіи, доходитъ все, касающееся народа. Онъ чутокъ къ страданіямъ своихъ, хотя бы то бѣднѣйшихъ, слабѣйшихъ и

отдаленнѣйшихъ братій, да онъ, наконецъ, знаетъ лучше всѣхъ насъ — къ чему, куда направляется польская тираннія и на какое пространство можетъ разлиться.

Онъ — этотъ народъ историческихъ центровъ западной Россіи — напримѣръ Минской области (не губерніи, а народной области, которая гораздо больше такъ называемой Минской губерніи), — въ то время, какъ въ Англіи и Франціи рѣшали тайно и гласно политическій вопросъ Польши, въ то время, какъ полились силы народнаго русскаго духа въ молитвахъ къ Богу за русскую кровь и русское оружіе и въ адресахъ Государю, — онъ — этотъ народъ западной Россіи тоже занимался политикой, тоже давалъ просторъ своему родному чувству. Въ непроходимыхъ своихъ дебряхъ и на кочкахъ своихъ болотъ — онъ тоже много продумалъ и прочувствовалъ. Онъ взвѣшивалъ свои силы, свои муки и надежды; онъ слѣдилъ лучше всякой полиціи за своими врагами и ихъ тайными дѣйствіями. Вглядываясь въ ихъ недавно обновленныя или вновь выстроенныя жилища, — обновленныя и выстроенныя послѣдними натугами крѣпостнаго права, — онъ соображалъ безошибочно, какія новыя натуги произведутъ они, если надъ ними будетъ развѣваться знамя Польши. Онъ все узналъ и рѣшилъ, и спокойно ждалъ развязки. И замѣтьте, какую развязку нашелъ онъ. Не буйство и личныя выгоды были первымъ его движеніемъ: онъ кинулся защищать русское, царское оружіе! Я знаю навѣрное, отъ туземцевъ и изъ устъ самого народа тамошней страны, что онъ давно, слишкомъ годъ тому назадъ, предвидѣлъ польское возстаніе и рѣшилъ, что̀ дѣлать самому; но онъ уважалъ законъ, ждалъ вызова, терпѣлъ, пока не представятъ сами польскіе паны законнѣйшаго для него вызова и дождавшись—разразился возстаніемъ противъ историческихъ своихъ враговъ, которые никогда не уважали ни его вѣры, ни его языка, ни даже его человѣческихъ

правъ (*). Тутъ не русскій крестьянскій вопросъ выступилъ на сцену, какъ разглашаютъ злые или неразумные люди, а вопросъ мѣстный народный, выработанный всѣми стихіями польской пропаганды въ западной Россіи.

Вотъ *дѣйствительный смыслъ* народнаго движенія Бѣлоруссіи противъ польскаго возстанія. — Оскорбите его чѣмъ нибудь, не понявъ или неуваживъ этой его *сущности*, и вы сдѣлаете величайшее зло всему народному дѣлу западной Россіи, большее всѣхъ интригъ польскихъ и неизмѣримое по своимъ послѣдствіямъ. Вы разомъ убьете народродную энергію, т. е. свою силу, и развяжете руки польской агитаціи.

Какая ужасная дилемма — бить или свою или польскую силу въ западной Россіи?.. Но развѣ это новость? Она давно и хорошо знакома людямъ, близко стоящимъ къ интересамъ и управленію въ западной Россіи! Не помню, въ какомъ донесеніи изъ Виленскаго управленія проскочила одна фраза, которая могла быть оставлена безъ вниманія также въ нашей литературѣ, фраза, что власти поставлены въ величайшее затрудненіе тѣмъ обстоятельствомъ, что приходится приводить въ повиновеніе вѣрныхъ Россіи крестьянъ людямъ, возстающимъ противъ Россіи. Вотъ вамъ и дилемма, сама по себѣ, впрочемъ, очевидная, и сознаніе трудности выйти изъ нея. Въ настоящее время и эта дилемма еще очевиднѣе и это сознаніе еще неизбѣжнѣе. Польское движеніе доходитъ до

(*) Недавно мнѣ удалось открыть замѣчательную инструкцію посламъ воеводства Полоцкаго на сеймѣ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, въ которой приказывается посламъ употребить всѣ усилія и средства (omnem lapidem movebunt), чтобы устранить вопросъ объ улучшеніи состоянія крестьянъ, пусть они остаются, сказано, въ вѣчномъ рабствѣ (stanie niewolniczym), потому что измѣненіе этого состоянія ихъ противно и вредно шляхетству и государству польскому.

того, что становится менѣе и менѣе возможнымъ опредѣлять, кто же изъ называющихся поляками вѣрны долгу, друзья народа? Фанатизмъ польскій задавливаетъ даже тѣхъ, которые ненавидятъ его и польское дѣло всей душой и желали-бы противодѣйствовать имъ, да почему-то не могутъ. Съ другой стороны, народъ, начиная дѣйствовать массою, не можетъ удержаться въ предѣлахъ чистаго своего дѣла и не вдаваться въ страстныя, безумныя крайности, которыя подхватываются лжетолкователями и закрываютъ благороднѣйшую, законнѣйшую сторону его движеній.

Что же однако дѣлать? Неужели нѣтъ никакого выхода изъ этой ужасной дилеммы? Времена Хмельницкаго, времена до сихъ поръ неизслѣдованной гайдамацкой войны 1768 года (*) ясно показываютъ, что тогда западно-русскій народъ не видѣлъ выхода изъ этой дилеммы. Времена болѣе старыя,—на пространствѣ отъ Люблинской уніи (1569 г.) до Хмельницкаго,—показываютъ, что тогда была надежда найти выходъ; нравственныя западно-русскія силы продолжали вѣрить въ польскую правду, надѣялись, вопіяли, истощались и кончили тѣмъ, что ввѣрили свою судьбу казацкому оружію. Выводъ изъ этихъ фактовъ ужаснѣе самой дилеммы: ниразу западно-русскія народныя силы не выходили изъ этой дилеммы!... Но тогда, въ старыя времена, они были одни, сами, одиночны. Теперь они въ союзѣ съ великорусскими силами. Неужели и Великая Россія, даже теперь, обогатившись плодами западно-европейской цивилизаціи окажется безсильною выйти изъ этой дилеммы? Чтожь тогда эта ея

(*) По памятникамъ оказывается, что эта война была повтореніемъ дѣла Хмельницкаго и еслибы русскія войска не положили ей конца, то, я увѣренъ, первый раздѣлъ Польши совершился бы ранѣе 1772 года и, что еще важнѣе, раздѣлъ *народный* и крушнѣе раздѣла 1772 года. Въ скоромъ времени я надѣюсь обнародовать нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ.

сила и эта цивилизація? Чтожь тогда?... нѣтъ конца вопросамъ и новымъ дилеммамъ; но не видно и пользы отъ нихъ. Лучше поискать отвѣта на прямой вопросъ: можемъ-ли мы выйти изъ дилеммы, можемъ-ли такъ поступать, чтобы не губить ни ближайшихъ, кровнѣйшихъ своихъ братьевъ, коренныхъ жителей западной Россіи, ни близкихъ и кровныхъ братьевъ, поляковъ въ той же западной Россіи—поляковъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ, но неоспоримо славянъ и прежде всякой національности—людей.

Въ Россіи есть богатые задатки для благополучнаго разрѣшенія этой дилеммы. — Та сила русскаго народнаго духа, о которомъ мы уже упоминали и которая въ дѣйствительности гораздо больше и шире, нежели сколько намъ извѣстно изъ моленій тысячей рабочихъ и многочисленныхъ адресовъ, не можетъ не дѣйствовать могущественно на западную Россію, не можетъ не склонять къ сознанію истины и правды, какъ крестьянъ, такъ и пановъ всѣхъ степеней ихъ. — Считаю необходимымъ анализировать эту силу, на сколько это доступно мнѣ.

Эта сила народнаго русскаго духа, выступающая теперь такъ ярко и убѣдительно, слагается изъ нѣсколькихъ элементовъ.

Въ ней сказывается матеріальное могущество страны, которая способна разрушить преграды къ ея развитію. Элементъ этотъ въ настоящемъ случаѣ много можетъ сдѣлать,—въ западной Россіи можетъ уклонить крестьянъ отъ крайнихъ дѣйствій и внушать страхъ польскимъ шайкамъ, но, какъ элементъ матеріальный, не можетъ выполнить всего, что необходимо для разрѣшенія нашей дилеммы.

Далѣе, въ сказавшейся силѣ народнаго русскаго духа выражается историческая, національная живучесть. Россія чувствуетъ и вѣритъ, что возстающія враждебныя стихіи

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

не одолѣютъ ея, не погубятъ ея исторической будущности. Она выдержитъ себя и пойдетъ дальше по своему прямому пути. Это народное, историческое сознаніе можетъ дѣйствовать на западную Россію еще могущественнѣе. Оно вселитъ и въ крестьянъ, и въ пановъ убѣжденіе, что какъ бы ни шли дѣла, что бы ни случилось, народное западно-русское дѣло не погибнетъ, а польское не добьется побѣды. Слѣдовательно, въ крестьянахъ можетъ укрѣпиться неодолимое терпѣніе съ увѣренностью въ себѣ и безъ преклоненія передъ польскою силой, а въ польской агитаціи—то признаніе народной силы, которое покоряетъ ей человѣка морально.

Но есть еще третій элементъ въ сказавшейся силѣ русскаго народнаго духа, которому предстоитъ сдѣлать еще больше. Это то сердечное, славянское уваженіе къ нравственнымъ началамъ, которое не дозволяетъ русскимъ кричать о мести, оскорблять внутри Россіи поляка, которое, вопреки явной пользѣ Россіи, не гонитъ его вонъ даже при сильномъ сомнѣніи въ его вѣрности, которое торжественно даетъ амнистію, еще болѣе безкорыстную. — Это сердечное, славянское уваженіе къ нравственнымъ началамъ воплощается и оживляется въ великомъ началѣ Православія, которое, среди всѣхъ своихъ историческихъ бѣдствій и даже среди разныхъ неустройствъ, представлявшихъ не разъ достаточно вызововъ на крайнія мѣры, никогда не могло выработать и, безъ сомнѣнія, не выработаетъ ни когда ни одного прочнаго церковнаго учрежденія, въ которомъ логично, спокойно, сознательно проведены были бы принципы зла, низости, матеріальной силы, какими въ латинствѣ, напримѣръ, были въ свое время инквизиція, рыцарскіе ордена или господствующее и теперь (да и въ какой еще силѣ!) іезуитство. При такой вѣрѣ, моральная славянская сила Россіи можетъ развертываться и, безъ сомнѣ-

нія, развернется широко, можетъ развернуться въ такомъ судѣ, въ такой гласности и такихъ общественныхъ дѣлахъ, которыя убѣдятъ и западно-русскія самородныя, и польскія пришлыя къ ней силы, что недостойно и безполезно вести борьбу неправую по идеѣ или средствамъ, что правое дѣло, дѣло земли выиграетъ и безъ рукопашнаго, безумнаго боя.

Но все это, нужно сознаться, надежды,—надежды свѣтлыя и прочныя, но все-таки надежды; а что же теперь, что сегодня, завтра; дѣло не ждетъ?!

Сегодня, какъ и вчера, какъ два года тому назадъ въ народѣ западной Россіи живетъ великая память и благодарность за дарованную волю; память эта и благодарность въ половинѣ западной Россіи—болѣе страдавшей отъ невзгодъ и неправдъ обновлены указомъ 1 марта: при нихъ довольно одного вѣрнаго и теплаго слова о томъ, что Виновнику воли не угодно, чтобы этотъ народъ игралъ чью бы то ни было жизнію и поднимающаяся рука народной правды опустится покорно.

Сегодня, какъ и давно уже стоятъ и украшены или готовятся возсоздаться и украситься новые храмы по всей западной Россіи дарами власти и русскаго общественнаго благотворенія,—храмы, къ которымъ въ народѣ такъ всецѣло обращаются всѣ лучшія силы души, въ которыхъ теперь такъ естественно, такъ неразрывно связываются мысли и чувства о спасеніи и о русской братской помощи. Помощь эту, я это знаю, вѣрно и глубоко цѣнятъ тамъ вмѣстѣ съ народомъ тѣ люди, которые въ этой странѣ призваны, и православной вѣрой и народной исторіей, быть проповѣдниками и спасенія и братскаго мира, даже въ то время, когда ненадежно спасеніе ихъ жизни и когда бросаютъ въ нихъ грязью вражды даже многіе изъ своихъ. Не сегодня, такъ завтра или вскорѣ, вмѣстѣ съ этими единственными въ странѣ туземными друзьями и руководи-

телями народа, могутъ всѣ русскіе люди—всѣхъ званій и чиновъ, на всемъ пространствѣ западной Россіи, гдѣ только они есть, заговорить разомъ къ народу: «у насъ всѣхъ съ тобой одна кровь, одна неотъемлемая земля, одна власть, одна у всѣхъ почти вѣра; насъ не можетъ разлучить никакая сила ни польская, ни западно-европейская, будемъ всегда одно, но не будемъ играть жизнію ни польскою ни чьею бы то ни было.»

Но опять, все это такъ, все это отрадно, но все это идеально и можетъ быть даже аристократично, потому что во всемъ этомъ хотя много оживляющаго для народа, но въ дѣйствительности гораздо больше сдерживающаго народъ, такого сдерживающаго, что́ прежде всякаго ожидаемаго оживленія можетъ поразить его и настоящую и будущую энергію.

Вотъ опять дилемма. Какъ выйти изъ нея? Гдѣ выходъ изъ нея чисто практическій, который бы и не убилъ народной энергіи и удовлетворялъ насущной его потребности, безопасности, спокойствію жизни. Вѣрно или нѣтъ, но мнѣ представляется такое средство. Должно быть одно изъ двухъ: или народъ долженъ имѣть *вездѣ* постоянную защиту отъ шаекъ въ русскихъ войскахъ, или имѣть свою организованную силу. Первое невозможно, по причинѣ огромнаго пространства страны и разбросанности ея населенія,—слѣдовательно необходимо народное ополченіе съ исключительною цѣлію мѣстной охраны, возможно меньше подвижной. Но ополченіе, въ свою очередь, невозможно или безполезно и даже можетъ быть гибельно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чистое, туземное населеніе разбито на мелкія группы, разобщены и мѣстностію и прошлыми, чуждыми элементами; оно возможно только въ мѣстностяхъ съ плотнымъ, чистымъ туземнымъ населеніемъ.—Точнѣе сказать, въ западной полосѣ Ковенской, Виленской, Гродненской губ. войскамъ двѣ рав-

посильныя роли—уничтожать шайки и охранять народъ; въ серединѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи уничтожать шайки, а охрану возложить на ополченіе, которое, какъ всѣмъ явно, само собою уже составляется: народная энергія ищетъ выхода, дѣла. Тутъ я долженъ сдѣлать простую, но надѣюсь убѣдительную оговорку—первый разъ выходятъ изъ подъ моего литературнаго пера военныя соображенія и если я могу чѣмъ либо оправдать такое смущающее, неожиданное для меня самого поползновеніе, то развѣ тѣмъ невольнымъ движеніемъ сознанія, что настали времена, когда народное дѣло западной Россіи неразрывно связывается съ военнымъ. Мечи и перья за одно и вмѣстѣ?!... Какое время!.... Точно воскресаютъ времена Хмельницкаго, когда казаки и кіевская академія дѣйствовали, какъ одна сила, не предвидя послѣдствій такого союза! Точно возобновляются ближайшія къ намъ времена упомянутой нами гайдамакской войны 1768 года, когда переяславскій епископъ Гервасій, мотренскій игуменъ Мельхиседекъ Яворскій и могилевскій епископъ Георгій Конисскій, покоряясь неодолимой силѣ народа, должны были невольно приготовлять — первый и второй раздѣлъ Польши! (*)

Но есть еще одна сторона дѣла, могущая быть свободной отъ мечей и напоминанія о грозныхъ временахъ.... Обращаюсь, наконецъ, исключительно къ той сторонѣ, противъ которой поднимается теперь народное движеніе въ западной Россіи, — сторонѣ польской. Какую она можетъ представить, рядомъ съ сдержанною народною силой, гарантію мира и законности своего существованія? Сознаюсь откровенно, что при этомъ вопросѣ я чувствую величайшее затрудненіе, вслѣдствіе ли вышесказаннаго, неожиданнаго для меня самого воеинаго поползновенія или потому, что дѣйстви

(*) Я это надѣюсь тоже доказать въ скоромъ времени очевидными документами.

тельно труднѣе всего рѣшить этотъ вопросъ не отрицательно. Постараюсь высказать мои мысли возможно болѣе ясно и точно. Я понимаю землю польскую даже при поглощающей ея неславянской цивилизаціи. Я могу видѣть на этой землѣ польскій элементъ даже сквозь адскій мракъ западно-европейской революціи и іезуитства. На этой дѣйствительной польской землѣ, въ этомъ дѣйствительномъ польскомъ элементѣ можно видѣть хоть съ трудомъ и болью бьющееся жизнію дѣйствительно польское сердце. Но, переносясь отсюда въ западную Россію съ мыслію о польской землѣ, польскомъ элементѣ и польскомъ сердцѣ, какъ убѣждаютъ всѣхъ поляки, я не вижу и не могу видѣть ни этой земли, ни этого элемента (чистаго, дѣйствительнаго польскаго), ни этого сердца. Я только вижу здѣсь тиранніею и глумленіемъ взрытыя польскія борозды на русской землѣ, въ которыхъ не можетъ быть жизни родному сѣмени. Я вижу здѣсь изуродованное польское шляхетство, превратившееся въ аристократизмъ, который такъ ненавидятъ сами поляки. Я вижу здѣсь польское латинство, превратившееся въ іезуитство, которое сама Польша выкидывала всѣми силами, какъ негодную траву, и только приближаясь къ своей исторической смерти усыпала ею и ея плодами свое похоронное шествіе (*).

Къ несчастію, она выкидывала ее въ западную Россію, и

(*) Государственное уничтоженіе іезуитства въ тѣ времена было на дѣлѣ только разлитіемъ его въ самыхъ чистыхъ дотолѣ сферахъ польской жизни. Знаменитый, напримѣръ, епископъ Солтыкъ говорилъ въ эти послѣднія времена такія рѣчи о религіозной нетерпимости, которымъ могъ бы позавидовать отчаяннѣйшій іезуитъ. Онъ утверждалъ, напримѣръ, на сеймѣ, что если дадутъ свободу вѣры диссидентамъ и право строить свои храмы, то первый диссидентскій храмъ неиначе будетъ построенъ, развѣ вмѣсто угольнаго камня положатъ его самого—Солтыка.

усыпала ее гуще и чаще ко времени историческаго оживленія западной Россіи.

Гдѣ же тутъ гарантія? Что въ ней вѣрнаго? Нелегко ее видѣть особенно теперь, но вотъ нельзя ли видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Путешествуя прошедшимъ лѣтомъ по западной Россіи, я встрѣчался со многими изъ тамошнихъ жителей, считающихъ себя поляками. Всѣ они безъ труда замѣчали, каковы мои убѣжденія. Общепринятый, неистово модный въ этой странѣ, польскій, тиранническій деспотизмъ требовалъ, чтобы такія убѣжденія встрѣчались съ ненавистію и ожесточеніемъ. Такъ обыкновенно и бывало, при первой встрѣчѣ, при нѣсколькихъ лицахъ. Но я положительно увѣряю читателей, что, за самыми немногими исключеніями, я постоянно убѣждался, что этотъ деспотизмъ болѣе внѣшній, чѣмъ могло казаться съ перваго разу; что подъ его скорлупой, часто съ великимъ трудомъ держащейся, я видѣлъ почти вездѣ чисто-славянское добродушіе, славянскую любовь къ правдѣ и добру и чисто славянскую способность неумолимо критиковать собственное зло—польское неистовство въ западной Россіи. Не знаю, каково теперь дѣйствительное настроеніе тамошнихъ мнимыхъ поляковъ, какъ думаютъ напримѣръ тѣ люди, изъ которыхъ одинъ, даже въ присутствіи постороннихъ людей, закончилъ свою рѣчь, начатую во имя Польши: «да, мы для Польши перестали быть дѣтьми нашей родной матери—литовской земли»!

Я понимаю силу неистоваго, извнѣ наброшеннаго, особенно ксендзами, польскаго деспотизма, который тогда сковывалъ благороднѣйшія убѣжденія; я понималъ гнусную необходимость лицемѣрія этихъ людей. Но теперь столь же сильная, только не гнусная, необходимость бросить это лицемѣріе въ виду возстанія народа и облагородить ее гласнымъ, передъ цѣлымъ міромъ, заявленіемъ своихъ дѣй-

ствительныхъ мыслей и чувствъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ все считающееся въ западной Россіи польскимъ такъ деморализовано Польшей, что изъ него не можетъ составиться даже малая партія людей, которые осмѣлились бы показать всѣмъ, что они не умерли для своего народа, способны жить его историческою жизнію? Богъ знаетъ!..

Но если такъ дѣйствительно, если это извѣстно одному Богу, а намъ неизвѣстно, если мы не знаемъ и неувѣрены, что считающіеся въ западной Россіи поляками представятъ, рядомъ съ сдержаннымъ народнымъ движеніемъ противъ нихъ, вѣрную гарантію своего спокойствія, то какъ сдерживать народъ, какъ рѣшиться на такое дѣло, которое можетъ хотя фальшиво, но сильно убѣдить народъ западной Россіи, что тамъ и поляки и русскіе за одно и противъ него?! Вотъ дилемма, надъ которой стоитъ призадуматься больше, чѣмъ надъ всѣми другими!...

М. Коялович.

(Изъ № 91-го Русск. Инвалида).

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 8-го мая 1863 года.

Печатано въ Военной типографіи.

26 СЕН '946